

УДК 902:304.44
DOI: 10.17223/19988613/42/8

Л.А. Беляев

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ И ОРИЕНТАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РУСИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Ставится задача исследования материалов археологии Сибири Позднего Средневековья и начала Нового времени с точки зрения проблемы «восточного вклада» в развитие Руси/России XIII–XVIII вв. Задача ставится на фоне наблюдаемого оживления в области исторической археологии и новой постановки вопросов взаимодействия европейского и русского «ориентализма», берущего начало в XVI в. Предлагается обзор состояния науки на этом направлении, кратко характеризуются современное состояние представлений о возможных подходах к оценке вклада исламского мира и восточной части Евразии (до тихоокеанского побережья) в развитие Московского государства.

Ключевые слова: Московская Русь; археология ислама; ориентализм; историческая археология; обмен престижными ценностями; западничество.

«...восточные арабески нередко сплетаются
с итальянскими украшениями...»
Владимир Соллогуб. Тарантас
От вод малайских до Алтая.
Владимир Соловьёв. Панмонголизм

Цель статьи – попытаться сформулировать внутри большого направления «русской археологии» Сибири конкретную задачу, которую можно решить практически, на материале памятников культуры XVI–XVIII вв. Не секрет, что это – неотложная необходимость. Потребность в развитии *исторической археологии* для России очевидна и даже оформлена законодательно; источников все больше, их залежи едва открыты и далеки от исчерпания; значение для культурного развития страны также ясно: такую археологию легко привлечь для иллюстрирования сюжетов «большого нарратива» (о задачах исторической археологии России см.: [1. С. 179–191; 2. С. 11–18])¹.

Однако в области фундаментального научного знания с целеполаганием дело обстоит гораздо хуже. Задать собственный, возникающий при наблюдениях над мелкими археологическими фактами исторический вопрос, решаемый благодаря огромному количеству таких фактов, удастся с большим трудом. Здесь попробуем поставить хоть один.

Когда мы говорим о развитии России, то всегда слышим слово «Запад». В качестве стимула и сознательно выбираемого образца оно зазвучало у нас очень рано, по крайней мере, в XV в., но отдельные эпизоды можно увидеть и ранее – скажем, в сюжете о начале белокаменного строительства на Руси в XII в. Последняя из ранних модернизаций прошла при Петре I и была им насильственно ускорена, после чего русская культура стала воспринимать себя как часть западной, постоянно оглядываясь, сравниваясь с Европой, широко пользуясь ее моделью жизни и открытиями и даже, отчасти, развиваясь «стыда ради евро-

пейского» (выражение декабриста М.А. Фонвизина [3. С. 298]).

С Востоком сложнее. Его никто и никогда не брал в России (по крайней мере, до явления на сцену евразийства) за образец открыто. Хотя в переносном, аллегорическом смысле, как в сочинении Ивана Пересветова, где образцом выступает турецкий султан (конечно, фигура вполне условная), или в счете верховенством (представление о Чингизидах как членах царского рода) – встречается и это.

При этом в русской культуре упрямо повторяется странный тезис об исключительно тесном соприкосновении России с Востоком. И не в том смысле, какой придают понятию «Восток» европейцы, противопоставляя миры молящихся по-гречески и по-латыни, Византию и Рим, православие и католицизм, т.е. восточное и западное христианство. В русском культурологическом дискурсе речь идет о взаимодействии и чуть ли не слиянии со Степью, о заимствованиях из исламской культуры, об огромности практического опыта совместной жизни.

«Странным» я назвал тезис не потому, что постановка вопроса неправильна. Он естествен уже в силу того, что и Древняя Русь, и Московия, и Империя, и современная Россия в прямом, географическом смысле слова всегда оставались самым восточным из государств Европы. Трудно оспаривать и факт политического включения (пусть отчасти формального, с сохранением основ собственной культуры) в состав большого фрагмента огромной восточной империи – улуса Джучи, с последовавшей длительной борьбой за его наследие и владения (в том числе с другими восточными государствами, в пространство монголов вообще не входившими).

Всё это так. Но ведь и в самой Европе есть похожие примеры. Да что там, их чуть ли не больше, и они проявлены несравненно ярче. Так, Пиренейский полуост-

ров мусульмане контролировали на протяжении столетий, создав там цветущую культуру (сравнительно свежий обзор проблемы и литературу см.: [4. С. 485–494]). Эту подоснову в современной Испании никто не отрицает, однако вопрос об исключительном характере взаимоотношений ее с Востоком в дискурсе о национальной культуре не играет роли, даже близко соотносимой с вопросом «Запад или Восток?» для России. Боевой клинч с исламским миром, в форме ли крестовых походов, реконкисты, обороны от турецкого натиска (вплоть до битвы при Лепанто было неясно, кто одержит верх), а позже – в форме прямой колонизации, не менее характерен для европейских государств, чем для России, – течение «вниз по карте», в Сибирь и Среднюю Азию, на Кавказ и за его хребет, наконец, в Приазовье и Причерноморье.

Впрочем, что нам до европейско-восточных взаимоотношений? На Западе и сами уже поняли, как много зависит от правильного понимания их характера, как выгодно было развитие связей с Востоком. Там занялись серьезной переоценкой роли, которую контакты между «материками культуры» сыграли в становлении современной модели европейского общества, в появлении *ренессансов*, в зарождении культуры Нового времени.

А как обстоят дела у нас? По сути дела, мы принимаем постулат об огромном воздействии Востока как лемму, как что-то очевидное. Кто специально занимался вопросом восточной составляющей среди историков материальной культуры и археологов? Какие аргументы можно привести *за* и *против*? Как их измерить, как взвесить и сравнить с аналогичными явлениями на Западе? Почти полвека назад, в 1970 г., прозвучал на Международном конгрессе исторических наук фундаментальный доклад В.Н. Лазарева, в котором линия взаимоотношений древнерусской и европейской культуры была четко намечена [5]. Но мы не найдем аналогичного труда по теме «Россия и Восток».

Конечно, пустота историографии не абсолютна, вопросами «восточного обмена» много занимались филологи и лингвисты. Похоже звучали, скажем, названия «восточных» книг В.П. Даркевича (прежде всего [6]), и его докторской диссертации [7], но их направленность была совершенно иной, речь шла о сасанидском и византийском искусстве, и они не могут встать рядом с книгами того же автора по искусству романской Европы в его связи с Русью. Кое-что можно собрать, буквально по крохам, у историков искусства (особенно – в архитектуре и орнаментике), вспомнить в прошлом об Л.И. Ремпеле [8] и Л.А. Лелекове [9], а в недавнее время – о сборниках, в которых археологи пытаются ставить «восточный вопрос» на свой лад [10, 11]. Есть важные разработки в области истории импорта с Востока керамики [12, 13], кое-что по оружию и ювелирному делу (о саблях, парадных шлемах, женских украшениях [14, 15, здесь же литература]). Следует, конечно, учесть и наши попытки вторгнуться в область ори-

енталистики, предпринятые еще в 1990-е гг. вместе с А.В. Чернецовым [16. Р. 97–124; там же историография до 1990-х гг.; 17. С. 40–47; 18. С. 205–226; отчасти: 19. С. 5–28], и шаги в этом направлении, связанные с подготовкой к III Конгрессу исламской археологии в Казани [20. С. 18–43].

Однако всего этого в сравнении с литературой, посвященной связям с Западом, мягко говоря, немного. Невольно встает вопрос: а, собственно, почему? Что стоит за этим *hiatus*'ом? Проблемы политико-идеологического свойства? Меньшая подготовленность российских ориенталистов? Это заведомо не так – школа исламской и вообще восточной археологии в России одна из самых сильных. Уж не реальная ли малая значимость восточного фактора в русской культуре Средневековья и Новом времени тому причиной? Или за этим стоят более сложные, но скрытые механизмы, которые мы даже не берем в расчет? Например, иные формы взаимосвязей, иной уровень, иные формы усвоения культурных импульсов с Востока, чем те, которые наблюдаются в Испании, Южной Италии или на Балканах?

Думаю, что археология должна серьезно заниматься этим вопросом, и в статье предполагается наметить один из путей, на котором археология Сибири должна сыграть уникальную по значению роль.

Тему «Русь и Восток» нельзя рассматривать во всей неопределенности этих двух понятий. Ее следует определять хронологически и структурировать в пространстве культурной географии. Ведь для сравнительной оценки чрезвычайно важен исторический контекст (а он зависит от хронологии) и, так сказать, пути доставки импульсов, их историческая география. Возьмем любимый пример – «кардинальскую» шляпу и футляр для нее, принадлежавшие патриарху Никоному. Как считают специалисты, шляпа имеет китайское происхождение, а ее расписной лаковый футляр – японское, причем в стиле, специально рассчитанном на иноземного потребителя. Можем ли мы предполагать, что в Москву или Новгород эта шляпа доставлена долгим караванным путем через Центральную Азию и Сибирь?

Даже теоретически такой путь представляется мало вероятным для середины XVII в. Гораздо проще было получить такие подарки из Европы, морским путем через северные порты или взять в качестве трофеев в ближайших к западной границе Московии городах Речи Посполитой во время успешных военных действий середины 1650-х гг. Последняя версия, конечно, требует пояснения: именно здесь, в пределах украинских и белорусских земель, концентрировались миссии католических орденов, которые были чрезвычайно активны во всей тогдашней ойкумене, включая Китай, постепенно осваивавшийся ими, а в самих миссиях существенную роль играли именно выходцы из Центральной Европы, в том числе со славянских территорий; классический пример – Михаил Бойм, выходец из

Львова (подробнее о миссиях в пространстве мировой культуры XVII в. см.: [21]).

Состязание между караванными и морскими путями, как известно, выиграли последние: Великие географические открытия и падение Константинополя перенесли торговлю с Востоком в море, главную прибыль приносили теперь морские маршруты. Караваны ушли на второй план: этот вид торговли, на дальних дистанциях связанный с перевалкой грузов, медлительный и ограниченный в объемах, остался на периферии. В XVI в. это доказал провал попыток создать комбинированную линию связи с Центральной Азией и Дальним Востоком через территорию России по принципу «море – река – суша», предпринятых Московской торговой компанией. Она провалилась из-за сложностей пути, а также дороговизны и низкого качества товаров в сухопутной Азии [22].

Несомненно, многие восточные диковинки попадали в Россию не прямо с Востока, а через руки мореплавателей Запада, из Европы, и это чрезвычайно усложняет работу и с археологическим, и вообще с художественным материалом. Достаточно взглянуть на ситуацию с «обменом» знаковыми артефактами и символами власти, включая коронационные, и посольскими дарами, чтобы убедиться: властители Московии в оформлении своего статуса государей опирались не на «восточные», а на «исторические» инсигнии или западные новинки. В качестве первых напомним заказ для царя Алексея Михайловича державы и барм, сделанных в 1660–1662 гг. вполне намеренно в Стамбуле «против образца благочестивого царя Костянтина» (откровенная попытка вписаться в мировую историю через христианскую Античность).

В более раннее время мы видим, конечно, использование восточных изделий, переработанных в московские инсигнии, такие как шлемы царя Михаила Федоровича и, особенно, молодого Ивана Васильевича, будущего Грозного – но это не только не исключение из западной традиции, напротив – это участие в «коронационной лихорадке» XVI в., своего рода состязании инсигний, где династы Востока и Запада стремились превзойти друг друга, обмениваясь при этом мастерами (ювелирами, оружейниками) и представлениями о ценностях, а также и самими ценностями. Эти шлемы оказываются в общем потоке раннего европейского ориентализма с «венским» шлемом – короной Сулеймана Великолепного и другими коронами, претендовавшими на родство со шлемом Александра Македонского или Юлия Цезаря (интронизация Карла V на императорский престол в Болонье), Тамерлана и других повелителей обоих континентов [23. С. 18–27].

В связи с этим стоит обратить внимание на довольно поздний процесс появления в Московии то одной, то другой коронационной реликвии с Востока (таких как персидский и армянский троны XVII в.). Стоит вспомнить в связи с ними и о таких важных для государственной символики элементах, как придворные

зоопарки, тяга к чудовищным и экзотическим животным, знаменующим власть над миром. Они свойственны как Московии, так и Европе – разница, пожалуй, и здесь в путях доставки, морском или сухопутном. Считается, что первым слонем, которого увидела на своей земле Европа после гибели Римской Империи, стал знаменитый Ганнон², присланный морем из колоний в Португалию и отправленный в Италию в качестве подарка папе Льву X от короля Мануэля I в начале XVI в. (хотя существуют сведения о присылке морем в Европу слона для Карла Великого в начале IX в., вступившего в Аахен). В Россию слоны, уже в XVII – начале XVIII в., шли своим ходом, в то время как других экзотических животных (львов и иных) привозили на повозках, в составе караванов (в XVI в. это были львята, жившие некоторое время во рву кремлевской стены).

Нам важны, конечно, и примеры обмена художественными идеями Запада и Востока, их взаимная привлекательность. В изобразительном искусстве примерами ее можно считать широко известные изображения восточных ковров в картинах европейских (прежде всего итальянских) художников XIII–XVII вв. и не столь заметные воспроизведения традиционных для ислама керамических изделий, прежде всего орнаментированных сфероконусов, которые держат в руках или вешают на пояса (в качестве чернильниц, кадилниц, сосудов для благовоний) архангелы в скульптурах школы Николо Пизано (вторая половина XIII в., Музей Виктории и Альберта, Лондон; Музей Барджелло, Флоренция).

Хорошо известна привлекательность образов Востока для изобразительной деятельности эпохи Ренессанса, отраженная в «этнографических портретах» татарина (во фреске *Антонио Пизанелло* «Легенда о св. Георгии» 1430-х гг. и подготовительном рисунке к ней), турка и монгола (в одном из первых, около 1330 г., «миссионерских» сюжетов – фреске «Мученичество семи францисканцев в Сеуте» *Амброджо Лоренцетти*, сейчас в церкви Св. Франциска в Сиене). Но менее известно, что со второй половины XV в. обмен быстро разворачивается и становится равным, так что можно наблюдать как бы многообразные отражения в зеркалах двух культур, рождаемые взаимным притяжением художественного стиля. Квинтэссенция этого – портрет персидского писца, выполненный в стиле персидской миниатюры, но с реалистическими ренессансными элементами, *Констанцо де Ферраро* («Сидящий писец»). 1470–1480. Музей Изабеллы С. Гарднер, Бостон) и, так сказать, портрет с портрета – обратная и более поздняя копия его в миниатюру известнейшим персидским художником *Бихзадом* («Портрет художника»). XVI в.).

В искусстве Московской Руси тех же столетий мы не найдем ничего подобного – между восточным и российским искусством как бы стоит невидимая стена, образованная цивилизационными различиями. Даже орнаментика пробивается через этот барьер с трудом,

причем в очень многих случаях носителем конкретного импульса становится западное искусство, мы получаем восточные художественные достижения и идеи уже отчасти переработанными, присвоенными. Таков путь в русское зодчество приема бачины (украшения фасадов вставками из глазурованной декоративной восточной посуды, в основном больших блюд) – скорее общий средиземноморский, чем собственно-восточный, он, впрочем, в России представлен лишь единичными образцами XVI–XVII вв.

Влияние орнаментации исламского Востока в Москве, несомненно, ощутимо, хотя источники его в разных случаях различны и, конечно, включают образцы и с Запада (резьба белокаменных надгробниц 1630-х гг. в соборе Михаила Архангела в Кремле будто отпечатана с итальянских узорных тканей в ориентальном стиле), и с Востока (растительные узоры более простых русских надгробий в Казани и Москве пришли с болгарско-татарской резьбы по камню).

Можно найти и более ранние, и, пожалуй, более яркие, хотя и не многие примеры прямого восприятия Московской Русью восточной орнаментики, в конце XIV – первой половине XV в. Это хорошо известные белокаменные резные фризы трех дошедших до нас храмов первой четверти XV в. в Звенигороде (соборы Успения на Городке, 1400-е гг.? и Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря, 1420-е гг. и Троице Сергиевом монастыре, 1420-е гг.) [24. С. 7–8].

Они не имеют прототипов в архитектурной орнаментике XII–XIII вв. – как и в древнейшей московской традиции (о ней, впрочем, мало что известно); нет у них и серьезного продолжения в середине XV–XVI вв. Трехчастные пояса появляются сразу, с их сложными плетеными орнаментами и трехступчатой конструкцией, при которой каждый следующий ряд нависает над стоящим ниже. Орнамент словно отпечатан штампом, оставляющим рельефную ленту пластичного узора, что требует обширной и гладкой поверхности. Трехпритворная композиция для этого не особенно подходит, поэтому все три храма, в отличие от памятников XII–XIV вв., не имеют притворов и галерей (археологически они не известны). На цилиндрические формы (апсиды, барабаны) орнамент обязательно переходит, обычно меняя форму.

Орнамент сложен и в построении, и в нарезке «по месту». Его невозможно освоить иначе, чем в ходе обучения. Чтобы понять, откуда пришел (отчасти – куда делся) этот феномен, важна судьба существующего как бы параллельно другого, более простого, мотива, трехчастных фризов. Это ленты взаимно пересекающихся побегов, чередующей «пучки» и «кринь», распространенные в зодчестве Москвы XIV(?) / XV – первой половины XVI в. Их происхождение от домонгольской резьбы сомнительно, его следует рассмотреть особо, начав с весьма экзотического (даже для видавшего виды арабского квартала Иерусалима) сооружения, Тюрбе Турканхатун (1350-е гг., Иерусалим, Старый город), имеющего

точную дату, известную из посвянительной надписи (753 г. Хиджры: $622+753 = 1352/53$ г.).

Такой орнамент воспринимается в Европе как классический «арабеск», но представление о его широком распространении на всем исламском Востоке верно лишь отчасти: он характерен только для тюркской традиции. Зона его массового применения – центральная часть Анатолии. Период – сельджукский, включая сельджукидов. Примеры – в Нигде (дюрбе Худавендхатун, 1312 г.); Кесарии Каппадокийской (Донер Хатум, XIII–XIV вв.; медресе Хатуние, 1432 г.). Важно, что схожи не только сами орнаменты – родственна сама система строительства, включающая трехчленный пояс барабанов, со ступенчатым выносом и артикуляцией «карниза».

Можно представить себе и путь доставки приемов: через Крым (Солхат с его резным камнем «мечети Узбека»; дюрбе Джанике-ханым на Чуфут-кале) или Нижнее и Среднее Поволжье (Сарай Берке – Булгар). Несомненно, носители этого стиля не обязательно мусульмане: коренные жители вышеназванных городов Анатолии армяне и греки, много сделавшие для создания исламского искусства и смешанного восточно-средиземноморского стиля.

Нужно сказать, впрочем, что восточный вклад в московскую орнаментике и особенно архитектуре может показаться существенным только при таком вот сознательном выделении, выборке отдельных сюжетов и деталей. До сих пор ни разу не было доказано его влияние на строительные приемы или архитектурный облик сооружений, хотя такие попытки неоднократно делались. Они обычно приводят к тому, что из-под восточной завесы проступают западные формы или европейский ориентализм [25].

Более доказуемы прямые контакты с миром ислама и даже сложение пространств, пронизанных общими бытовыми предметами и мотивами декора, в археологических (здесь в смысле обыденных) материалах. Давно указано на болгарскую струю в технологии и формообразовании московской столовой керамической посуды XIV–XV вв. Начинает проявляться единый слой характерных артефактов (таких, как свинцовые «грузики»), заполняющих пространство от Днестра до Камы и Волхова. Как будто начали вырисовываться и особенности слоя «ордынского» периода в Москве XIV–XV вв. (в раскопе 2015 г. на Зарядье) – хотя невозможно не согласиться с мнением В.Ю. Коваля о чрезвычайной сложности выявить надежные археологические маркеры присутствия выходцев из Среднего и Нижнего Поволжья в Центральной России [26].

Представляется, что археология Сибири должна включиться в разработку надежного корпуса материалов для оценки восточного вектора. Вполне вероятно, что здесь, вдали от прямых контактов с Западом, картина окажется более ясной. Для России, далекой от морских путей и в связи с ее движением за Урал и в Сибирь, возможности сухопутной торговли с Дальним

Востоком и Центральной Азией всегда мыслились как важные. Это отразится, в конце концов, в попытках установить дипломатические и торговые отношения с Китаем, о которых можно всерьез говорить с 1650-х гг. (а к концу 1680-х – и о появлении, после трети века усилий, русско-цинских договоров начиная с Нерчинского). К этому времени на амурской границе служилые люди уже не раз столкнулись с маньчжурами (в армии которых значительная роль будет принадлежать – парадокс истории – все тем же вездесущим миссионерам, на этот раз исполнявшим роль военных инженеров и артиллеристов).

До этого времени, однако, мы не наблюдаем никакого серьезного обмена между государствами

Дальнего Востока и Москвой, в связи с чем сама идея влияния его материальной культуры в России XVII в. тоже сомнительна. До какой степени, в каких пределах это влияние (или его отсутствие) можно уловить археологически – пока не ясно. Чтобы это понять, чрезвычайно важно поставить задачу выделения дальневосточных импортов на памятниках к северу от пограничных территорий с Китаем и во всей Сибири. Сегодня материалов раскопок, видимо, уже достаточно для формирования, например, темы «Фарфор в Сибири XVI–XVII вв. по данным археологии», которая стала бы очень важным дополнением к исследованиям восточных импортов в Европейской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет отредактированный текст доклада на конференции и минимум литературы – в полном виде она очень обильна (см. специальные обзоры и статьи автора, которые здесь цитируются).

² История этого слона имеет неожиданное археологическое измерение: его кости были найдены в 1962 г. при работах во дворе Бельведерского дворца Ватикана и приняты за окаменелые останки динозавра. Но выяснилось, что это кости слона исторической эпохи, после чего Сильвио Бедни (Смитсоновский институт, 1980-е гг.) восстановил истинный ход событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.
2. Беляев Л.А. Археология Позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18.
3. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. I.
4. Беляев Л.А., Григорян С.Б. Испания: археология // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 485–494.
5. Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.). М. : Наука, 1970. 68 с.
6. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения Восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 199 с.
7. Даркевич В.П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византией в IX–XIII вв. (по материалам художественного ремесла : автореф. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
8. Ремпель Л.И. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема: историография вопроса. Ташкент, 1969.
9. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. М. : Советский художник, 1978. 157 с.
10. Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. 265 с.
11. Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / отв. ред.: С.Г. Бочаров. Кишинев : Stratum Plus, 2015. 711 с.
12. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.
13. Гусач И.Р. Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в Позднем Средневековье: Османский период // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III.
14. Гусач И.Р., Валид Али Мухаммед. Мусульманские клинки с надписями из коллекций донских музеев // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Азов, 2013. Вып. 27. С. 268.
15. Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
16. Beliaev L.A., Chernetsov A.V. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture Mugarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Leiden, 1999. Vol. 16. P. 97–124.
17. Беляев Л.А. Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования : материалы конф. М., 1999. С. 40–47.
18. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования : материалы конф. М., 1999. С. 205–226.
19. Беляев Л.А. De archeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред.-сост. Л.А. Беляев. М. : Индрик, 2009. С. 5–28.
20. Беляев Л.А. Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–43.
21. Тананаева Л.И. О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI – XVII века. М. : Прогресс-Традиция, 2013.
22. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1937. 306 с.
23. Беляев Л.А. «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. С. 18–27.
24. Беляев Л.А. Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV в.: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV в. в контексте византийской культуры : тез. докл. Междунар. научн. симп. Москва, 10–12 ноября 2014 г. М., 2014. С. 7–8.
25. Беляев Л.А. Архитектура собора Покрова на Рву в контексте раннего европейского ориентализма // 450 лет Покровскому собору. Покровский собор в истории и культуре России. М., 2013. С. 28–37.
26. Коваль Ю.В. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. С. 76–85.

Belyaev Leonid A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

MEDIEVAL WESTERNIZATIONS IN RUSSIA AND THE ORIENTAL FACTOR: AN ARCHAEOLOGICAL APPROACH.

Keywords: Moskoviya; archaeology of Islam; orientalism; historical archaeology; exchange of prestige values; zapadnichestvo (westernizers).

The paper aims to enrich the study of impact of the Orient and Islam on Russia within the so-called Russian archaeology. The need for such discourse is rooted deeply in the Russian tradition of cultural dichotomy between 'the East' and 'the West'. In essence, we believe in contacts with the East being extremely fruitful for the development of Northern Eurasia/Rus. However, we have no evidence of it being the case in archaeology, architecture or art. There is nothing similar to the forms which are typical of the civilizational frontier territories (Spain, the coast of Italy and Sicily, Balkan and Trans-Caucasian countries, etc.). Is this gap real? The archaeology of Siberia may help solve the issue. The Age of Discovery and the fall of Constantinople were a decisive factor in the competition between land and sea. Caravans became less profitable (in the mid XVI century, it was proved by the Muscovy Company's failure to create a trade route to Central Asia via Russia). This means that goods from Oriental and Southern countries reached Russia not directly but through Europe, with sailors and traders. Importantly, the rulers of Muscovy chose not Eastern but Western historical models as prototypes for their insignia. For Tsar Alexei Mikhailovich insignia were ordered in Constantinople (1660–1662) as 'replicas' of the insignia of 'Pious Emperor Constantine the Great', just as others ordered Tamerlan's, Alexander the Great's or Julius Caesar's helmets. Images of the East were attractive for Renaissance artists and that is reflected in 'ethnographic portraits' by Pisanello, Lorenzetti and de Ferrara, or in paintings depicting Eastern art objects (from carpets to spheroidal vessels). However, there is nothing of the kind seen in the art of Muscovy of the XIII to XVII centuries. Even Eastern ornaments found their way to Russian art through Europe. For example, there are only few cases known of the bacini technique being used in architectural decoration in Muscovy. Also, Tsar's richly carved stone tombs of the XVII century at the Archangel Mikhail Cathedral in the Kremlin replicate oriental patterns of Italian textiles. And vice versa, the XVII century ordinary headstones of Moscow and Kazan are directly connected to Volga Bulgaria's carved ornaments. There are also other visible examples of direct acquaintance with Eastern ornamentation in Muscovy. XV century carved friezes follow Turkic, particularly Anatolian (Cappadocian), Seljuk patterns. They were apparently introduced through Crimea (Solhat, Chufut Kale) or/and the Lower and Middle Volga (Sarai Berke, Great Bulgar). On the whole, though, the impact of the East even on the ornaments of Muscovy is limited. There is little or no evidence of that available in architecture and construction engineering. Moving beyond the Urals and across Siberia, Russians gained profits from overland trade with the Far East and Central Asia up to the XIX century. But trade and diplomatic relations with China had been only established by the end of the XVII century. It is the task of archaeology in Siberia to evaluate the real scale of exotic goods (such as porcelain) going to the European part of Russia through China in the XVI and XVII centuries.

REFERENCES

- Belyaev, L.A. (2012) Arkheologiya i bol'shoy narrativ russkoy istorii: ot osnovaniya Moskvy k Petrovskim preobrazovaniyam [Archaeology and great narrative of Russian history: From the Moscow foundation to Peter's reforms]. In: Derevyanko, A.P., Kudelin, A.B. & Tishkov, V.A. (eds) *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii* [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 179-191.
- Belyaev, L.A. (2014) Arkheologiya pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni v Rossii: zametki o samoopredelenii [Archaeology of the late Middle Ages and modern times in Russia: Essays on self-determination]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 11-18.
- Fonvizin, M.A. (1982) *Sochineniya i pis'ma* [Writings and letters]. Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Book Publ.
- Belyaev, L.A. & Grigoryan, S.B. (2011) Ispaniya: arkheologiya [Spain: Archeology]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 27. Moscow: Orthodox Encyclopedia. pp. 485-494.
- Lazarev, V.N. (1970) *Iskusstvo srednevekovoy Rusi i Zapad (XI–XV vv.)* [The medieval Russian art and the West (the 11th – 15th centuries)]. Moscow: Nauka.
- Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya Vostochnoy toreviki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [The artistic metal of the East in the 8th – 13th centuries. Eastern toreutics in the European part of the USSR and TransUrals]. Moscow: Nauka.
- Darkevich, V.P. (1976) *Svyazi Vostochnoy Evropy so stranami Azii i Vizantey v IX–XIII vv. (po materialam khudozhestvennogo remesla* [The relations between Eastern Europe, Asia and Byzantium in the 9th – 13th centuries (a case study of artistic crafts). Abstract of History Doc. Diss. Moscow.
- Rempel, L.I. (1969) *Iskusstvo Rusi i Vostok kak istoriko-kul'turnaya i khudozhestvennaya problema: istoriografiya voprosa* [The Russian art and the East as a historical, cultural and artistic problem: Historiography]. Tashkent: [s.n.].
- Lelekov, L.A. (1978) *Iskusstvo Drevney Rusi i Vostok* [The Art of Ancient Russia and the East]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
- Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (2010) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka.
- Bocharov, S.G. (2015) *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Chisinau: Stratum Plus.
- Koval, V.Yu. (2010) *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII veka* [Ceramics of the East Rus in the 9th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
- Gusach, I.R. (2014) *Keramicheskie materialy Severo-Vostochnogo Priazov'ya v Pozdnem Srednevekov'e: Osmanskiy period* [Ceramic materials of the North-Eastern Azov in the Late Middle Ages: The Ottoman period]. In: Sitdikov, A.G., Makarov, N.A. & Derevyanko, A.P. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth All-Russian Archeological Congress in Kazan]. Vol. 3. Kazan: Otechestvo.
- Gusach, I.R., Walid Ali, M. (2013) *Musul'manskie klinki s nadpis'yami iz kollektsey donskikh muzeev* [Muslim swords with inscriptions from the collections of the Don museums]. In: Gorbenko, A.A. & Kiyashko, V.Ya. (eds) *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and in the Lower Don in 2011]. Azov: Azov Museum-Reserve. pp. 268.
- Kozlova, A.V. (2006) *Vostochnye traditsii ukrasheniya i predmetov byta iz tsvetnykh metallov v gorodakh severo-zapadnoy Rusi i sopredel'nykh territoriy* [Oriental traditions of jewelry and household items made of nonferrous metals in the cities of the north-western Russia and neighboring territories]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Belyaev, L.A. & Chernetsov, A.V. (1999) *The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture Mugarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Vol. 16. Leiden. pp. 97-124.
- Belyaev, L.A. (1999) [Ancient Rus in the circle of medieval civilizations and cultures]. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Old Russian Culture in the Global Context: Archeology and Interdisciplinary Research]. Proc. of the Conference. Moscow. pp. 40-47. (In Russian).

18. Belyaev, L.A. & Chernetsov, A.V. (1999) [Medieval Russia and the East: Some problems and prospects]. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkhеologiya i mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Old Russian Culture in the Global Context: Archeology and Interdisciplinary Research]. Proc. of the Conference. Moscow. pp. 205-226. (In Russian).
19. Belyaev, L.A. (2009) De archeologia abrahamica. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Archeologia abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkhеologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [Archeologia abrahamica. Research in the field of archeology and art traditions of Judaism, Christianity and Islam]. Moscow: Indrik. pp. 5-28.
20. Belyaev, L.A. (2016) The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods. *Povolzhskaya arkhеologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(16). pp. 18-43. (In Russian).
21. Tananaeva, L.I. (2013) *O man'erizme i barokko. Ocherki iskusstva Tsentral'no-Vostochnoy Evropy i Latinskoy Ameriki kontsa XVI – XVII veka* [On Mannerism and Baroque. Essays on the art of Central and Eastern Europe and Latin America, the late 16th – 17th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.
22. Rubinstein, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [British travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Y. Gautier. Leningrad: Sozvezgiz.
23. Belyaev, L.A. (2010) “Vostochnye vliyaniya” ili obshcheevropeyskiy “orientalism”? O metodicheskikh podkhodakh k kharakteristike islamskikh elementov v kul'ture srednevekovoy Moskvy [The “Oriental influence” or pan-European “Orientalism”? Methodological approaches to the characterization of the elements of Islamic culture in the medieval Moscow]. In: Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (eds) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkhеologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka. pp. 18-27.
24. Belyaev, L.A. (2014) [The ornamental friezes on the facades of the early Moscow temples in the end of the 14th – early 15th centuries: the genesis of motifs and composition]. *Sergiy Radonezhskiy i russkoe iskusstvo vtoroy poloviny XIV – pervoy poloviny XV v. v kontekste vizantiyskoy kul'tury* [Sergius of Radonezh and Russian art of the late 14th – early 15th centuries in the context of Byzantine culture]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow, 10–12 November, 2014. Moscow. pp. 7-8. (In Russian).
25. Belyaev, L.A. (2013) Arkhitektura sobora Pokrova na Rvu v kontekste rannego evropeyskogo orientalizma [The architecture of the Cathedral of the Intercession of the Most Holy Theotokos on the Moat in the context of early European Orientalism]. In: *450 let Pokrovskomu soboru. Pokrovskiy sobor v istorii i kul'ture Rossii* [450 years of St. Basil Cathedral. Pokrovsky cathedral in Russian history and culture]. Moscow: [s.n.]. pp. 28-37.
26. Koval, Yu.V. (2010) Ordyntsy na Rusi [The Horde in Russia]. In: Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (eds) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkhеologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka. pp. 76-85.